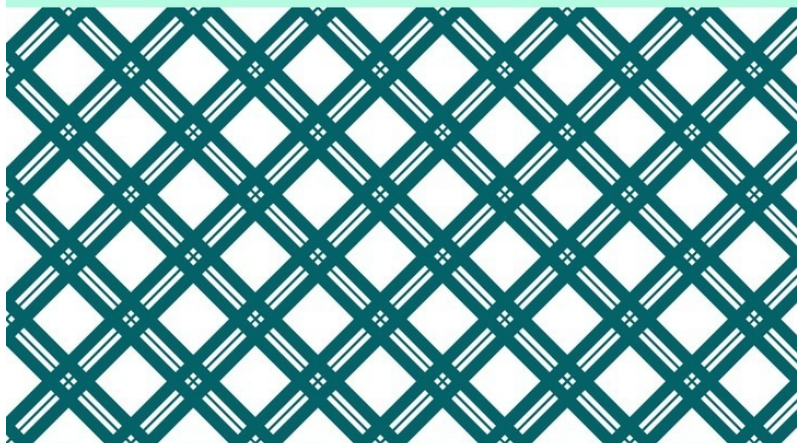

Геннадий Мещеряков

**ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ**

Часть вторая

Геннадий Мещеряков Юмористические рассказы. Часть вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24309492

ISBN 9785448527838

Аннотация

От автора Дорогие читатели! Публикую небольшим тиражом вторую часть своих юмористических рассказов. Очень рад, что ваш отзыв о них вполне благожелателен. Это вдохновляет на выпуск новых сочинительств, как говорит мой хороший знакомый дед Кузьмич из деревни Баклуши. С глубоким уважением, Геннадий Мещеряков

Содержание

Колокольня, или сельское СМИ	6
Сюрприз	8
Фанера	11
Один конец	13
В зоопарке	15
Пахом и Кузьмич	18
Услышанный разговор	22
Сам по себе	25
Символ плодородия	28
Обрубок	29
Бумеранг	31
Не по годам	33
Успокоила	35
Как я выбился в середняки	37
Дело в фамилии	39
Так уж случилось	41
Просто и удобно	43
Побывал за границей	45
Вот так-то	47
На бартер	49
Успокоилась я	51
Берлин брала	54
Один я такой	56

На пляже	58
Перепись	61
Конкурс толстушек	63
У памятника Крылову	65
Хозяйственный	67
Дела, ставшие легендой	69
Тартюф	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Юмористические рассказы

Часть вторая

Геннадий Мещеряков

© Геннадий Мещеряков, 2017

ISBN 978-5-4485-2783-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Колокольня, или сельское СМИ

Пошли вчера с Пахомом в Ивановку, а ее как языком коровы слизало, захотели к Марусе зайти, разговеться: зазнойбой была в том веке. Только ветла и осталась с уснувшей на ней вороной.

Петровка встретила музыкой: ветер играл плясовую на органе печных труб, торчащих из осыпающихся домов. Это Пахом так сравнил. Он гармонист и, наверное, разбирается в симфониях.

А как мы узнаем, что нет Ивановки или Петровки? Радио выдрали, районная газетка выходит раз в неделю. Случись беда, никакой Шойгу не поможет. Как бить в набат? Если б не Пахом, и наших Баклуш могло не быть. Не дал он разобрать на кирпичи колокольню, которая стала у нас, как говорит Пахом, главным средством информации.

Мне поручили бить в колокола, если что. Все бы хорошо, да одна нога у меня деревянная, не сгинается. Пока каждую ступень пересчитаю обоими. Если грозятся отключить свет, бью по колоколу один раз, если воду – два раза, если газ – три. На Троицу перепутал, и чуть бунт не вспыхнул, хорошо в деревне в основном старухи остались. Первый раз на колокольню через ступеньки запрыгивал.

Это я вместо двух раз ударил три. Щей-то наварили, а воды не запасли. Никому не говорю, что ослаб памятью. Мо-

гут заменить, найдись какая отчаянная старушка. Выглядывают же из машин курносые водители в платках. Одна подвезла меня до дому, видит, словно саженью меряю дорогу. Думал, второй ноги лишусь, так тормознула. Теперь все нервы ноют: и сядалашний, и зубной. Один зуб у меня остался, а болит, гад, хоть по стене на колокольню лезь. Надо было сразу не пять, а шесть зубов драть. Ходить-то мне с каждым в Дарьевку трудно. Допрыгаешь туда, а деревеньки нет. Слышал, высоченную колокольню будут строить в районе. Не зря б. Облака могут заглушить звон. И кто на нее полезет? Я не заберусь. Пахом и сейчас не успеваешь мне строгать ноги: ломаются как спички. А где возьмешь в степи хорошее дерево?

В Баклушах народ калганистый. Нет, не размерами голов, умами. Учительница географии, а откуда у нее большая голова, предложила послать в район карту, пусть, мол, обведут карандашом оставшиеся деревни. Так и сделали. Оказались живучими те, где есть колокольни.

Пора мне, работы много. Надо звонить сегодня и по разу, и по два, и по три. Хоть не ошибусь.

Сюрприз

Невезучий я, попадаю частенько, как бы мягче сказать, в переработанную пищу. Купил себе модный клетчатый пиджак и думал, удивлю сослуживцев, когда сниму костюм, на котором даже полоски от старости стерлись.

Как всегда попутал черт в юбке, то есть соседка Вера Гавриловна. Иди, говорит, мимо колокольни, у которой всегда много народа. А там тучи голубей, дождевой помет. Когда коллеги увидели меня, ох, не надо было мне растирать помет бумагой, высох он, и на пиджаке засеребрилось слово лох. Смеялись все кроме араба Ибрагима. Он прочитал слово справа налево.

Снова попалась на пути Вера Гавриловна. Закажи, говорит, себе на день рождения торт с обручальным колечком для одиноких дам. Подзадоривает: пора, мол, мне жениться – скоро лысина соединится со лбом.

Заказал. Поставил в середине стола. Пригласил Ольгу, Веронику, Вера Гавриловна сама пришла. А форточка была открыта, и дети играли в футбол. Залетел мяч в комнату и – в торт, куда еще? Брызги во все стороны.

– Вот это сюрприз, – закричали дамы, стирая их с лица, а вместе с ними свою штукатурку. Пусть лысина разливается теперь океаном, останусь холостым.

Даже в мелочах не везет мне. Прыгнул в бассейне с мет-

ровой вышки и потерял плавки. Сидел в воде до последнего посетителя.

Недавно позвонил в бюро амурных услуг. Вы что? Сам бы не осмелился. Настояла Вера Гавриловна, напомнив, что я все-таки мужик, хотя у подруг другое мнение, и мне особенно вредно любое воздержание. По себе чувствует: ни одна юбка не сходится.

Лучше бы я не звонил в это амурное бюро. Пришла наша секретарша – губы, Маша Распутина позавидует. Объяснила: должностей у нее две, а работа одна. Насильно ее не производишь: услуга оплачена, и она обязана ее оказать. Если проболтается на работе, хоть уходи. А куда устроишься? Пробовал раз. В салон красоты. Осмеяли у входа, показав на мое отражение в зеркале. У них только красавцы работают, и не ниже двух метров. А во мне вместе с кепкой полтора. Кепку подарила Вера Гавриловна, чтобы повыше выглядел. Уговорила меня пойти на последний сеанс в кино.

– Дети до шестнадцати лет не допускаются, – преградила дорогу билетерша. Пришлось снять кепку и показать лысину.

– Лучше паспорт с собой носите, – буркнула женщина.

Не совсем я лох, конечно. В студенческие годы ездил по детскому билету, только приглядевшись, отличишь от первоклассника. Но вот попал в одно купе с преподавателем института.

– Ваш мальчик? – спросил ревизор.

– Это мой студент, – ответил преподаватель.

Оштрафовали ощутимо: месяц водой питался.

С особым чувством вспоминаю службу в армии, где все по приказу. Сказали, прыгай с парашютом, значит, прыгай. А не приняли во внимание мой вес – меньше нормы. Прыжок получился затяжным, парашют раскрылся у самой земли. Все бы тип-топ, да пристала медвежья болезнь. Пришлось через город идти пешком.

У благих пожеланий не должно быть плохого конца, не логично это. Пусть Вера Гавриловна сама поищет в торте золотое колечко. Кажется, она не против, давно туфли без каблучков носит. Только бы не оконфузиться. Было такое. По Интернету познакомился с барышней – оказалась великанша. Хорошо не заметила меня, успел я юркнуть в группу младших школьников.

Фанера

Меня обзывают фанерой. А сами кто, картон? Своего «я» нет ни у кого. Даже в конторе моего отца, где все поддакивают своему начальнику. Ни одной собственной мысли: Иван Иванович сказали, Иван Иванович сказали. И интонация та же, и голос. Репродуктор какой-то.

Это Иван Иванович посоветовал мне поехать в Москву, когда узнал, что я хочу стать певицей. Езжай, говорит, голова нет, так формами возьмешь, вон какие отъела. Не пойму в кого, мать твоя плоская, и не только стопами.

Как в воду глядел. Будто не в студию, а на ферму попала. Продюсер Зонов, как петух, сразу взял за холку:

– На фабрику звезд бы тебя. Да ладно, сами засветим, если откроешь душу. Формы – формами, а содержание – содержанием.

Заметила я, он во всем подражает коллеге Пригожину, даже прической, и надо было использовать это обстоятельство. Я – в загс, менять имя, правильно – на Валерию. Теперь выхожу на сцену не реже, чем она.

А режиссер наш Попугаев. Даже названия лучших шоу содрал у заокеанских коллег.

Многие восхищаются талантом композитора Воронина: раньше играл на пиле в оркестре «Лесорубы», считая, что фасоль одна нота, а теперь – каждая вторая песня шедевр.

Выуживает он музыкальные фразы из эфира. Ввел в оркестр негритянскую дудку вувузелу. А почему? На ней играет его теща. За новаторство получил орден.

Обнаглели наши поп-певички, рта не раскрывают на сцене. Понимаю тех, кому за шестьдесят – челюсти могут вывалиться. А молодые: губы одеревенели от впрыскиваний?

Собратья тащатся друг от друга: как оригинально – трясла ягодицами в такт барабану! Деревянное исполнение им до лампочки, пусть музыкальные столяры разбираются.

Недавно побывал у меня в гостях отец. Познакомила его с партнерами по цеху.

– А чего вы суетитесь, пыжитесь. Голос ягодицами не заменишь, – сказал он.

Я порадовалась его первой собственной мысли.

Один конец

Нет свободы слова в птичьем царстве. Не успеешь на зорьке кукарекнуть, готовы клюв склеить, чтоб не будил ранним утром, хотя все в помете, особенно на нижнем нашесте. Закон курятника никто не отменял.

Радоваться бы первому солнечному лучу Корзинке, нашей несущке, – у нее куриная слепота, а квохчет больше других.

О демократии можно только мечтать. Кукареку, твою мать. Да и сами виноваты. Что собой представляем? Сорока вестницей себя считает, а по мне – обыкновенная трещотка. А кукушка? Вторит, что все мы давно куку, то есть с приветом. А мы о ней – предсказательница, гадалка: «Скажи, скока нам осталось?» Да, стока, скока хозяйка отвела, наш палач. Хрясть топором, и без калгана бегаешь, хоть с гребешком, хоть без гребешка.

Индюк Сопля возомнил себя большой шишкой. А где сейчас? Давно съели. Как и страуса Леню. Все убежал да прятал в песке голову, выпячивая зад.

Ворон Карла, напарник мой (помогает топтать кур, когда устаю), советует вступить в партию соловьев, но мне надоели их трели о манне небесной. Утопические социалисты, твою мать, на мусорках не гребутся.

В последнее время меньше шипит в оппозиции гусь Зади-

ра. С ним только цыпленок Пух, недавно вылупился, до топора ему далеко.

Льготами у хозяйки пользуются закупленные за границей серые утки – птицы легкого поведения без имени. Подхалимы, ходят, как и она, вперевалочку. Все время глотают мешанку и гадят в кормушку. Кря, кря, француженки, твою мать.

Надо слетать с плетня: солнышко уже выкатилось. Господи, хозяйка идет с топором. Все, это конец: мне улыбается! И никто не поможет. В яблонях тащатся от самих себя соловьи, друг Карла зовет к себе на высокую крышу. Забыл, наверное, что летать не могу. И куда убегу со шпорами.

В зоопарке

– Белый медведь, белый медведь, – тычут в меня пальцем. Нашли невидаль: зек на пожизненном. Упекли в зону, назвав ее зоопарком, за жару и наводнения, мол, раскачал земную ось, когда терся об нее.

А за что интересно, загнали в клетку Леву, царя зверей, за красоту? Вон как тащатся от него: какая грива, какой хвост, с кисточкой. Впору самому клетку подметать.

Рык бы его перевели лучше на народный язык, тоскует он по свободе, как и все мы.

Обезьяны заважничали, как же: от них человек произошел. А у многих зад голый, не стесняются показывать его за конфетку.

Насмотрелся я на людей. Один мужик, как две капли похожий на гориллу, две недели пьет с ним водку, забеленную молоком. Пойди, догадайся. К обеду песни распевают, взявшись за руки. А вчера к ним присоединился уборщик Коля. Все смеются, все довольны. А если горилла станет алкоголиком?

Боюсь, будут у нас и наркоманы. Бурый медведь уже курит трубку, которую дает ему тайно ветеринар. Табачок, скорее всего, с травкой? Почему мишка пляшет после каждой затяжки?

И со мной подобное было. Как очутились в моем вольере

эти парень с девушкой, до сих пор не пойму? Дали мне жареную курицу, хлеб, предварительно обмакнув его в самогонку. Словно сдавленная торосом льдина трещала моя голова с похмелья, теперь отмахиваюсь от спиртного обеими лапами.

Рядом со мной оборудовали место носорогу. Мрачный зверь, того и гляди боднет. Потерялся я о загородку и отлетел от нее, как игрушечный. К железным решеткам не подхожу вообще, а зачем мне дыра в туловище.

Самый добрый у нас слон Кузя. Директор заставляет его перетаскивать тяжелые грузы. Весь хобот исцарапал. А Кузя тихий, но умный, уронил бревно на ногу директору. Лев позавидовал его рыку со словами о Боге и матери. Директор теперь сильно хромот, и те двое у клетки, мужик с гориллой, передразнивают его, попивая огненное молочко.

Чукча с Крайнего севера, почти мой земляк, пришел к нам в оленьей шубе. А олени обитают у нас в загонке, их только лайки охраняют.

Что было? Загнали собаки мужика в стадо. Олени – в бой. Когда его вынесли из загонки, носорог посчитал его своим, такая на лбу была шишка.

Вон опять дразнят мартышку детсадовцы. Дали ей очки. Мартышка хочет надеть их на нос, а он маленький. Очки падают, все смеются...

Эх, на льдине бы поплавать, разорвать грудью снежную бурю. И никого рядом! Только зеленые глаза Большой Мед-

Пахом и Кузьмич

– Сколь идем, Кузьмич, а все степь, когда кончится?

– Никогда, или не знаешь, Пахом, в Казахстан она протянулась, к лиманам.

– Я больше к Волге ходил, откуда она начинается.

– Начинается, все бы тебе о зачатии говорить. Сколько детей-то настрогал, пока столяром работал.

– Осьмнадцать.

– Осьмнадцать. Чего уж не двадцать до ровного счета.

– Грамотный ты очень, осилил бы я двадцать-то? С осьмнадцатью еле справился, высох весь.

– Это да. Наша ветла на пруду лучше выглядит, а он лет десять без воды.

– Попробуй сам не попить с год, чай, сдохнешь.

– Смотри, Пахом, Узень показался и водохранилище.

– На твою лысину похоже водохранилище, обросло все камышом.

– А по мне так краше картины нет: словно лента с ожерельем вплетена в степь.

– Ты вот что скажи, Кузьмич, все же ветеринар. Помнишь, как выкладывал мово жеребца? Убег он тогда от нас, так с одним яйцом и остался.

– Говорил я, надо спутать ноги, а ты: удержу. Вот он тебя и лягнул в промежность. Может, поэтому перестали вы

с Манькой рожать.

– Я тогда так закрутился на месте, что воронку в земле вырыл. Ты еще в нее провалился, когда пьяный от меня уходил.

– Темно было в два часа ночи. Не надо было Маньке поднимать тосты за каждого из своих детей, удивительно, как она помнит их всех по имени?

– Она завсегда так, если за здоровье и на благо.

– Так о чем ты хотел меня спросить?

– Скажи мне, Кузьмич, в степи засуха, полынь не растет, а где суслики воду берут? У них ведер нет, чтобы носить ее с Узеня.

– Они умные, Пахом. Роют норы вблизи водоемов, и бегают к ним, когда захотят пить.

– А если козявка. Сколь ей надо ползти до реки, как нам с тобой до Волги.

– Для козявки каждая утренняя росинка – ведро воды, Пахом. В природе все предусмотрено. Вот мы идем с тобой по степи пешком, ботинки расползлись. А камыши рядом. Почему не сплести лапти? Насади на крючок жука, закинь удочку – вот тебе и уха. Понял намек?

– Устроим отдых у реки?

– Соображаешь. А почему настрогал восемнадцать детей, никак не пойму.

– А чо понимать. Дерево с одной веткой – бревно, а с осьмнадцатью?

– Восемнадцать бревен. Знаешь, как называют твою Маньку?

– Знаю, свиноматкой, зато есть к кому пойти в гости.

– Вот и идем третьи сутки. Предлагал ехать на автобусе до Грачева Гая, нет, ему лучше напрямки.

– Дешевле. Только еда да башмаки в расходе. А если из камыша лапти сплетем, забесплатно дойдем.

– Забесплатно. Эх, Пахом, Пахом. А отца твоего как звали?

– Царство ему небесное, Генрихом.

– Значит, ты Пахом Генрихович. Удивительное соответствие, и фамилия по образу и подобию – Беззубов.

– У самого один зуб остался, показываешь его. Лучше скажи, как ты живешь без бабы? Не верю я Гришке. Он говорит, ты сам себя, ну того...

– Оскопил что ли?

– Ну, да.

– Если Гришка говорит, значит, правда. Поэтому он и отпуская со мной в командировки без всякой боязни свою жену, хотя она известная блудница.

– Все шутками отделываешься. А мне не до шуток: как будем через Узень перебираться, плавать я не умею.

– Надуем целлофан и переберемся, Узень тут – три ручья. А знаешь, почему я пошел с тобой через степь?

– Я бы заблудил один.

– Куда тебе еще блудить. Вон видишь, наблюдает за нами

из кустов лиса, и слышал ли ты ночью, как плакал заяц. Кто-то его обидел? Узнал бы я об этом, будучи дома? И для меня честь быть рядом с тобой, возможно, единственным в наши дни героем.

Услышанный разговор

Он плел из тростника и ракиты изделия необычайной красоты, а фигурки из дерева казались живыми: вот-вот, заговорят с вами или вспорхнут на крышу.

Сегодня их продавал на рынке не сам мастер – старик с большими руками и длинной бородой, которую затыкал за пояс, а молодой человек с синими глазами.

– Берите, господа, плетеные корзины, кресла, полки, все они из местного материала, взятого с Малого Узеня.

– А где вы резали ракиту? – спросила девушка в ситцевом платье.

– Видите, она испачкалась о степную зарю, значит, у истока, – блеснула веселая синь в глазах парня.

– А где нашли дуб, из которого вырезали бюст президента? – не унималась девушка.

– Ты, незнакомка, наверное, ботаник. Это обыкновенная осина с речной плотины. Древесина у нее мягкая, но прочная, так как закалена суховеями.

– Я бы взяла этот бюст, схожесть стопроцентная – только глазами не моргает, да скоро выборы. Может быть другой президент.

– По должности оцениваете? Тогда ждите другого.

– Изделия у вас из местного материала, а сам продавец имеет к ним отношение?

– Все здесь сделано мастером, но есть и мое. Угадаешь – подарю.

– Из лозы и тальника – не твое. Тут больше ремесла, чем творчества. Твои герои должны быть угловатыми и...

– И нагловатыми, – добавил парень. – Не гадай – угадывай.

Она взяла в руки деревянную фигурку старика, сидящего в плетеном кресле с заткнутой за пояс бородой. Глаза его улыбались доброй улыбкой. Большие руки, на которых были видны вены, устало лежали на коленях.

– Вот твоя работа, – сказала девушка.

– Я рад, что не продал фигурку мастера, и дарю ее тебе.

– Есть у меня и замечания. Клюв у твоего орла действительно похож на угол, а вот у доярки с подоиником слишком толстые губы – не Распутина же.

– Таков мой стиль. В твоей фигурке я бы, наоборот, укоротил ноги и уменьшил глаза: много видят. Откуда ты встревожившая мне душу? И кто по профессии, если не секрет?

– Художник.

– У нас больше художников, чем картин. Ты из области?

– Нет, я из Большеузенки, где по речке полно ивняка, а в селе – тополей и вязов.

– А почему ты остановилась около наших поделок?

– Остальные китайские, даже запах. Еще я хотела встретиться здесь с дедушкой.

– Так ты Таня, студентка художественного училища?

– Вернее, выпускница.

– Неисповедимы пути Господни?!

Они обменялись номерами телефонов, потом девушка ушла. Я двинулся вдоль рядов ширпотреба, радуясь услышанному разговору. Вслед раздавался голос веселого парня: «Изделия из местного материала, взятого с Узеня».

Сам по себе

Лилипут Гена сидел на скамейке во дворе детского сада.

– Пойдем, малыш, – взяла его за руку длинноногая воспитательница, – я в садике первый день, всех еще не запомнила. Как тебя зовут?

– Гек.

– А меня Вероника Герасимовна. – Он прижался головой к ее бедрам и увидел под коротенькой юбкой белые трусики.

– Сейчас у детей послеобеденный сон, ложись в свою кроватку.

– А на вашу можно, я боюсь спать один.

– Нельзя, но я посижу возле тебя.

Гек работал артистом кукольного театра и играл новую роль с воодушевлением. Засыпая, он положил ручку на грудь девушки, поглаживая ее, и она уснула первой.

В тот день в детском саду произошло много невероятного. Сначала Гек обыграл в шахматы заведующего.

– Все, вам мат, Гаврила Гавлилович.

– Я же перворазрядник, значит, у нас появился гений, – вскрикнул заведующий и от радости порвал на себе тельняшку: раньше он служил на корабле боцманом.

Сенсация сменялась сенсацией.

– Гек, сколько будет пятью семь? – спросила старая няня Никитична.

– Тридцать пять.

– Господи, а я таблицу умножения учила до замужества. До сих пор не знаю, сколько будет семью семь.

– Солок девять.

– Ох, киндервунд, – упала в обморок Никитична.

– Дайте ей немного аш два о, – еще больше удивил всех своими знаниями Гек.

А повариха тетя Клава впала в экстаз и пересолила борщ, когда увидела свой портрет, написанный Геком акварельными красками.

– Даже бородавку изобразил на верхней губе, – восхищалась она, – а я все хотела вывести ее, да боялась дырка будет: не попьешь и чаю – польется струя изо рта.

– А вот не сможет он подтянуться на турнике, – сказал вдруг молчавший все время физрук Моня, – тут мышцы нужны, а не мозг. Мозги у каждого есть.

– Сполим на твой свисток, подтянусь, – предложил Гек.

– А как я буду без свистка?

– Не соловей, а тут не лоща. – Гек подошел к детской перекладине и подтянулся пять раз.

– Потому и умный, – сделал вывод физрук.

Вечером детей забрали родители, остался один Гек.

– За тобой еще не пришли? – удивилась воспитательница.

– И не придут, я сам по себе. Могу подвезти, если желаете.

От растерянности Вероника Герасимовна потеряла дар речи. Ребенок сел за руль легковой машины и скрылся за по-

воротом. Гений во всем гений.

Символ плодородия

Как осень, так дачникам горе – поневоле делишься плодами труда с другими. Решил Потап поймать воров и, принарядившись, встал вместо пугала.

Забрезжило утро, пришли с сумками трое не проспавшихся мужиков. Подозрительно посмотрели на пугало:

На живого похож, – сказал один.

– Этому воробьи обгадили нос, живой давно бы стрянул, – возразил второй. И в это время на нос Потапа упала новая порция птичьего помета.

– Как своевременно, – обрадовался он, стараясь не моргнуть, чтобы не выдать себя: могут сделать из него настоящее пугало.

Воры набили сумки овощами, фруктами.

– А давайте приделаем пугалу к интимному месту кабачок с помидорами, пусть любят дачницы, – предложил один из троих.

– Сначала опохмелимся, – достал из кармана поллитровку второй.

Когда они уходили с дачи, солнце уже вскарабкалось на бугор, и первые его лучи осветили пугало с выделяющимся символом плодородия.

– Хорошо, не побили, – радовалось оно, моргая при каждом шаге удаляющихся.

Обрубок

В большом доме жили две собаки – старуха и ее болонка. Заколебали всех.

Как может такая маленькая собачка обгадить весь двор: не слон же, ступить негде, удивлялись жильцы.

– Надо убирать за своей собакой, – сказала старухе бывшая учительница. Теперь не показывается во дворе, ходит за продуктами в ночной магазин, где продают в основном водку.

Кидаясь на инвалида Васю и видя его безразличие, старуха, вдруг, залаяла, вспомнив, что он был глухонемым. Му-Му, так ласково называли его мальчишки, все равно ничего не понял. Угрозу перевел сторож Кузьмич, показав на себе, какой сучок отпилит ему старуха, если он еще раз угостит болонку колбасой из магазина для нищих.

Досталось и самому Кузьмичу, а он был не робкого десятка. Не раз обещал отрубить свою правую ногу, если не отдаст долг вовремя. Кто знал, что он потерял ее в афганских горах? Рубил ногу с улыбкой, восклицая: «Деревянным деньгам – деревянную ногу». Пронесило. А тут, перебрав, заснул у двери злой старухи. Пробудился – нет ноги, отстегнула она ее и выбросила на помойку. Когда дополз туда, милиция уже закончила осмотр, и пришла к заключению: отрубили ногу у молодого мужчины: крепкая, блин.

Долго не отдавали ему ногу, доказательных фактов было мало – обрубков только. А мало ли на просторах великой страны таких обрубков.

И на старуху бывает проруха, – думал Кузьмич, вытаскивая новую ногу. Год он держал дворового пса на привязи, и как только болонка отделилась от старухи, выпустил его. Смеялись долго вместе с Васей, увидев рядом с болонкой восемь ушастых щенков: ха-ха-ха, му-му!

Бумеранг

Взяли Серегу сторожем в школу.

– Будешь также подметать двор, поливать газон. Не обидим, – обнадежили.

И обманули.

– Вот тебе в рот один МРОТ, – сказала шутница Люда в кассе.

– Так двор – с футбольное поле, и газоны не меньше. В листопад опускаюсь на четвереньки, чтобы разогнуться.

– А мне, дядя, сгибаться трудно. Посиди тут: весь зад расплющило и вздуло живот.

– Сходи, проверься: к директору зачастила.

– Серега, мне кажется, газоны не растут, а, наоборот, в землю уходят, – сказал директор.

– До ночи их из шланга поливаю, не должно быть.

Не врал Серега: вечерами он опрыскивал обильно траву, привлекая к этому клиентов пивного ларька и обиженных учеников.

Пожелтела трава. Деревья, сохраняя род, сбросили листву задолго до осени. Любо: метлы не надо. Сиротливо стал выглядеть двор.

– Откуда такая напасть? – пожаловался директор другу биологу. – Может быть, причина в птичьей помете: над школой летают сотни голубей. Вчера один из этих символов мира

залепил мне очки, хорошо, ребята не видели, дали бы кличку. Сторож, вон, ходит без дела, надо его днем за кассу посадить: Люду в роддом отвезли.

– А не могли они состыковаться?

– Когда? Она из скворечника не вылезала, а он шланга из рук не выпускал.

Не по годам

– Пап, меня Вовка в садике толстой попой назвал, – жалуется девочка Таня.

– Наглец, – возмущается отец. – У тебя маленькая попка, вот, у тети Клавы – да, на бельевой веревке только двое трусов умещаются.

– А у мамы сколько?

– У мамы? – задумался отец. – Одни, наверное. Точно не знаю: задами их не ставил.

Поиграв немного с куклой, дочка снова обращается к отцу:

– Пап, а Вовка еще сказал нехолошее слово.

– Какое?

– Говорил, что ты мелин.

– Во-первых, мерин – хорошее слово, во-вторых, это же-ребец без мужского достоинства, которое у него отобрали, без его согласия. А у меня ты есть, значит, я не мерин.

– Нет, мелин. Мама так говорила по телефону, я слышала.

– Мама? Хм, она пошутила. Я ее тоже не раз называл кобылой. Это же не значит, что она любит скакать галопом.

– А у Вовки есть блатик. Мама его работает в доме, где блатиков делают.

– Это так Вова тебе сказал?

– Ага, – кивнула головой Таня.

- Развита́й не по годам. Что́ будет, когда́ в школу́ пойдёт?
- Он не пойдёт в школу́, он же́нится.
- Интересно́, на ком же́?
- Ты что́, дулак? На́ мне.

Успокоила

Самолет падает. Стюардесса успокаивает пассажиров.

– Сколько вам лет, бабушка?

– Еще способен.

– Я о годах,

– Годы определяются не цветом волос.

– Оплакивать будут, если, не дай Бог, в турбулентность попадем, и крыло отвалится?

– Не отвалится, я конструктор этого самолета и знаю, скоро он выйдет из штопора. – При этом слове спящий сосед приоткрыл глаза и снова закрыл. – А плакать есть кому. Младшей дочке у меня три года, а правнуку тридцать.

Задержав на лице улыбку, стюардесса двинулась дальше.

– Вы, девушка, занимаете с детьми три кресла. Сколько их всего у вас.

– Шестеро.

– А на вид вам не больше двадцати.

– А мне действительно столько. Лечу на свой день рождения к мужу со всем выводком.

– Клушке парашюта не надо, – вздохнула стюардесса.

– Муж попросил привезти всех, скучает, год на заработках.

– А как вы успели шестерых, годами не видите.

– Седьмой раз лечу к нему.

– Седьмого ребенка может и не быть?

– Будет, мы, Ибрагимовы, как кролики.

– Дай Бог.

В конце салона постоянно прикладывался к плоской бутылочке бородатый священник.

– Боюсь высоты. Ты уж прости, дочь моя. Так и кажется, проваливаемся в преисподнюю. Чресла сдавило.

– Вам то чего бояться, батюшка, если, – стюардесса перекрестилась, – случится катастрофа: в рай попадете.

– Я уж лучше на Земле, и матушка, – он запел, – ждет меня домой, ждет – печалится. Я до церкви запевадой в хоре был, и мирские песни люблю. Думаю, Бог не обидится, если мы с тобой причастимся, ведь мы не на Земле – в эфире.

– Все на Земле будем: и божьи люди, и миряне.

– Смотри, дочь моя, на уровень коньяка в бутылке, меняется он.

– Родной мой поп, – бросилась ему на шею стюардесса. – Будем жить!

Как я выбился в середняки

Все меня спрашивают, как я, мусульманин, торгуя свиной, в середняки выбился. Овечек мало стало, а коров лет десять доить надо, только потом – на мясо. Какое это мясо – говядина какая-то.

Перекрестился я, бог один – вера разный, начал разводить свиней. У коров – один теленок, у свиньи – двадцать. Самый спелый отрасль.

Сначала жене надел намордник, чтобы в свинарник зашла. Потом уговорил родственников – Ахмеда с Махмудом. Пригласил с гор Али-Бабу с разбойниками. Выгоднее, мол, чем резать неверных, и своя голова без папахи не останется.

Вторая жена у меня русская. Ибрагим, говорит она, сделай так, чтобы мусульмане ели свинину. Пьют они давно, как свиньи, особенно твои Ахмед с Махмудом. Прибыль удвоишь.

Начал с лекции «Почему французы едят жаб, а китайцы все, что движется?» Удивились: это ж надо – жаб. Свинья против жабы – молодой барашек. Попробовали, и, Аллах Акбар, затрещали щеки от сала и шашлыка. Больше стало денег, и я третью жену взял – тоже русскую. Строгая. Сам побаиваюсь ее. Предложила способ борьбы с пьянством, от которого у меня сначала волос дыбом встал. Надо, говорит, пьяниц к свиньям в клетки сажать – от коньяка отказывать-

ся будут.

Для пробы, затолкал к свиноматке Ахмеда и Махмуда. Им так понравилось у нее – не хотят выходить. Жена сразу внесла поправку: перевести их к борову-производителю.

Теперь на ферме пьют только кумыс, приготовленный из молока свиноматок. Некоторые похрюкивать стали, зато голова всегда ясная.

Дело в фамилии

Ученики курили сигареты, не реагируя на появившегося во дворе директора школы и его постоянного спутника заведующего хозяйством.

– Даже не прячетесь?

– Стараемся быть честными во всем. Сами учили: лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

– А почему не на уроке? Вот ты, Коля.

– Устал держать на коленях стол и вытянул ноги.

– И что? Я сам часто сижу с вытянутыми ногами. Не раз отдавливали их.

– Так в Журавле рост два метра, и он разбил банку с молоком, за которым Марфа Ивановна простояла все утро, – объяснил друг Леха.

– А я недоумевал, откуда у русачки такая фамилия – Молочко? Алексей, ты редкий гость в школе: чаще на соревнованиях. Тебя-то кто выпроводил?

Вера Григорьевна. Прекрати, говорит, подмигивать Катьке, а у меня нервный тик, после того как пропустил прямой удар. Посочувствовала бы, у самой фамилия – Мигайло.

– Может быть, решила, что напоминаешь об этом. Ты как очутилась здесь, Мария?

– После тусовки в школу пришла с персингами и кольцом в носу. Губанищева как открыла хавальник, так и не закры-

вала его, пока я не выскочила из школы.

– Дело, скорее всего, тоже в фамилии, которая у Розы Петровны наверняка произошла от сочетания слов нищая губа, а тут персинги да кольцо в носу, – вставил заведующий хозяйством.

– Завтра же подготовлю доклад о роли фамилии учителя на обстановку в классе и воспитательный процесс, – решил директор школы.

Так уж случилось

Кажется, это банально, но со мною так случилось: померя, а все слышу. Лучший друг говорит жене:

– Чего нам с тобой сорок дней ждать, хватит и девяти. Если при живом кувыркались, то теперь сам Бог велел.

– Может, и хватит, не заслужил, – ответила она. Вот стерва: и машина, и дача. И на книжке – не рубли.

Слышу змеиный шепот тещи:

– Дожила до радостного дня, закрыл рот навечно, а то: вы надолго, мамаша, к нам? Теперь навсегда.

По двенадцати раз в год приезжала, к каждой получке. Кажется, сын подошел, одна моя радость и надежда. Смотри, сынок, папки уж нет. Сожгут наверняка, не придешь на могилку.

– Ну, ты даешь, папуля. Еще бы годик протянул: у кого теперь мани брать? Мать мыслями шубы мерит. Не до меня ей.

Огорчили меня и коллеги по работе. Главный бухгалтер сказала заму:

– Недалеким он был. Не хотелось заходить к нему в кабинет – истуканом сидел в кресле с надутыми щеками, а на голове ветвистые рога, наставленные его ненаглядной женошкой. Сын – недоросль, теща – склочница.

Лишь соседка пролила на мое остановившееся сердце несколько капель бальзама:

– Нравился ты мне, Петенька. Обнимала даже тень твою из ванной. Но не судьба: остыли твои чресла.

Уже вечером приглашенная для чтения молитв старушка сказала:

– Никто-то тебя не любит, соколик. Если б слышал их, еще раз умер.

– Я слышал, бабуля, ты читай, читай, пока я воскрешаю.

Просто и удобно

Хиреет наша деревня. Даже навоза не стало без скотины, кто будет его производить. Дошла очередь помирать старикам. Молодые давно отошли, кто куда. Кто – в город, кто – в могилу. А на что хоронить отживших? Гроша не заработаешь нигде. И доски не украдешь. Цены-то, чтоб купить? Поэтому ходят старухи с расширенными глазами, как-только побывают в сельпо.

Я предложил сжигать покойников на костре. В чем ходят, в том и сжигать, не у всех есть рогожа для оборачивания.

Крематорий получился, как настоящий. Некоторых, за кого водкой, а не самогоном расплачивались, мазутом обливаю. Особливо, если какая страшная старуха. А так, лежит негра никого не пугает. Вот, если засучит в огне ногами – в обморок падали. Некоторые не вставали.

Дед Шукарь, и у нас такой есть, одобрил:

– Завсегда ведьм живыми на костре сжигали, а ты с уступкой, уже мертвых.

Услуги мои почти как в городе. Уголь трупов, по желанию, конечно, через молотильный аппарат пропускаю: порошок – хоть в урну, хоть по ветру над Узенем.

Из соседнего села привезли мертвую старуху, чтобы поучиться, как обрабатывать ее. Страшная! Говорят, после смерти моложе стала выглядеть. Ежели и запляшет, так чё?

А через комбайн они и сами ее пропустят.

Побывал за границей

– Вернулся, Ваня? Как там в Европах. Не всех лягушек съели? Вот бы наш пруд туда, а то денег ни хрена нет, – остановил старик Пахом работника местной администрации Ивана Зубилу, побывавшего в Сербии по приглашению общества Кирилла и Мефодия. Он пописывал стишки то ли на старославянском, то ли на древнерусском языке и послал туда одно.

– Вот ты, Пахом, на ферме работал. Сравни свой свиначник, ну, хотя бы, с Домом Культуры. Есть разница? У них собаки ходят в курточках и вязаных шапочках. Люди улыбаются. У домов не навоз, как у нас, а цветы.

– У домов его сейчас не валят, на огороды нечего класть. Коровы порошние без кормов. Да, и у кого они есть? У фермера да у тебя, чай, по стаду. А раньше как мы Узень разбавляли, пить нельзя было воду. И то: двенадцать тысяч свиной. Сколько мочи сливалось, не считая говна?

– Я обобщаю в слове навоз все отходы, и человеческие.

– Отходы. Пройди мимо дома Салтычихи. Галоши не отмоешь от мазута: где она его нашла, полы, что ль, помыла? У нее летось трактористы на квартире стояли.

– Я, Пахом, в Париже побывал. Возили нас туда тайно в опломбированной фуре – это будка такая большая. Всю ночь смотрели на Эйфелеву башню.

– И я люблю смотреть на нашу колокольню. А что еще из моего окна увидишь? Кладбище? Хорошо не все кресты попадали. Вот, брожу по улице, трещу костями. Никого, хоть тебя встретил и словно тоже в Европах побывал.

Вот так-то

– У меня в последнее время один способ общения – рожей к роже. У Нинки с Машкой, скажете, не рожи? Точка, точка, запятая. Всматриваться не надо. А у Лариски? Намазана, как спецназовец перед боем.

Перевалилась через борт наполовину, когда плыли с футболистами на игру в соседний район. А почему наполовину? Я осторожно помог, и она плюхнулась в речку.

Сошла в воде краска и, когда ее вытащили, закричал ребенок:

– Баба Яга.

– А косила под девушку, – добавил капитан футбольной команды.

Не случайно я выбрал способ общения – рожей к роже? Посмотрите на меня: Квазимодо симпатичней. Может быть, я стройнее, но с заседателями надо доказывать.

Пригласили на день рождения к интеллигентам: дед у них работает швейцаром в элитном ресторане. Так они, глядя на меня, не стали есть, только пили. Позже я узнал, что все они чавкают, так как сильно выдвинуты челюсти. Семейное это у них. Особенно у деда. Многие, выходя из ресторана, думают, что перед ними горилла и протягивают ему бананы.

Не зря я также вспомнил Нинку, мою одноклассницу. Она внучка этого швейцара, очень на него похожа, только без бо-

роды. Все время ест бананы, чавкая и не стесняясь меня.

Ладно, замнем: все же девушки.

К домоуправу я пришел. Вот это рожа! Шиферным листом не закроешь. Щеки на столе, глаза узкие, словно подглядывают из щелей.

– Видишь, какой я больной? А ты: крыша протекла. Первопричину надо устранять: к Богу обратись, – прогнал он меня.

Теперь ни к кому не хожу. Бесплезно. Одни свиные рыла. Только хрюкают, а дел ни на грош.

Рыло и рожа – синонимы. Тут же – харя, морда, мурло... А найдите хоть один синоним, который бы украшал семантику вашего лица. Вот так-то!

На бартер

Улица у нас в деревне сапогом, нос которого упирается в речку. Рыбы в ней нет, последнего карася вытащили в кризис дуршлагом две старухи. С тех пор ущицу не пробовал, а под нее лучше всего шел самогон. Запиваю его теперь водой, бррр, слышно как журчит она в кишкотаре. Зато дурею быстро, и пузырья хватает на два засыпа.

Вот иду к Маруське, может, нальет стакан за ведро картошки. Другие, хоть на мослы падай, не дадут бесплатно. А гонят многие самогон, особенно у речки, в носу сапога деревни. Там и живет Маруська.

Вчера попробовал зайти к ее соседу Василь Демьянычу, и еле ноги унес от Барбоса, который спьяну набросился на меня, а ведь хорошо знал. Сколь раз я ходил к Василь Демьянычу. Конечно, скучно одному, вот он и пьет с Барбосом. Даже петуха приучил к самогонке.

– Чё было? – рассказывала Маруська. – Петух налетел на меня сзади, когда я собирала с грядки огурцы. Пришлось забор поднять на сажень, чтоб не перелетал. Еще перепугает вот так, подпитый-то, а тяжелый, подумала сначала, что мужик навалился.

С другой стороны дом Кати Бессмертной, в трех веках живет, а зубы, как у молодой лошади. Она, может быть, и даст самогонки, но лучше не брать. Для крепости добавля-

ет в бурду птичий помет. Только и бегаешь за огород в лопухи.

Некоторые к Медведеву обращаются, торгует древесным спиртом. Не стеклоочиститель, конечно, и никто пока не одеревенел, но боязно, вдруг, ослепнешь, резкость зрения уже не та, не берет через улицу. Афанасия не узнал, а нес он из сельпо бутылку водки: сын деньги на новые ботинки прислал. В который раз. Я лучше к Маруське, хотя год нынче картофельный и не дала бы отлуп, как Анна Гавриловна. Деньги потребовала, или вскопать огород. Десять соток. Нашла трактор, игрушечный. С ведром падаю, а она.

А этот Кузьмич? У самого аппарат не перестает капать – будто плачет от перенапряга, а срамит: ты бы еще, говорит, тыкву принес, ходишь тут с ведром помойным, хоть бы в сумку переложил картошку для невидимости. Сам-то успел приложиться к капельнице. Подлечился. А тут язык высох, не шевелится, как буду улаживать Маруську на бартер?

Успокоилась я

Сколько уроков сегодня было? – спрашиваю у внука.

– Один.

– А почему припозднился?

– Дежурил в столовой.

Значит, он математику пропустил, а дважды два не знает.

Пошла к классному руководителю. Ругаюсь: почему отвлекаете школьников на дежурства, дебилами становятся.

– Вы кто? – спрашивает.

– Бабушка, – отвечаю.

– Вот и не вмешивайтесь в учебный процесс, лучше вяжите внуку носки, скоро зима, а котельные у нас еще не готовы.

Я к заведующему отделом образования Курицыну. Мол, ваш учитель предложил мне вязать носки и не вмешиваться в учебный процесс.

– И как? Успеваете? Скоро зима, а котельные у нас еще не готовы. Моя теща тоже вяжет мне свитер, но сразу выпускает его, если я повздорю с ней. Все время трудится, а результата нет. Говорит, с чиновников, берет пример. Преувеличивает, конечно. Наш специалист по труду доказал, что плавки, связанные из женского волоса, поднимают мужскую потенцию в десятки раз. Все время пребывает в возбужденном состоянии, стыдно заходить в класс: мальчишки тычат пальцем, девчонки назначают свидания. Скоро запатентует

открытие. Немаловажно, с какого места взят волос. Да и сам я сплю в колпаке из шерсти горного козла. Какие сны вижу – клуба путешественников не надо! Заметно поумнел. И все как наяву. Будто и сейчас на голове рога.

Совсем запутал меня. Добралась я до регионального министра образования, подобрала умные слова:

– Господин Иван Прокопьевич, – обратилась к нему, – оскорбили меня ваши подчиненные, плохо вы их курируете. И рассказала ему о чулках, которые предложили мне связать к зиме классный руководитель и заведующий отделом.

– А что? Дельное предложение. Поможете в организации учебного процесса. Ноги у внука будут в тепле, и не замерзнет он, ведь приближается зима, а котельные в вашем районе еще не готовы.

– В столовой он чаще бывает, чем на уроках, поэтому не знает, сколько будет дважды два, – смотрела я на него с мольбой.

– Не наедается? Тогда пеките ему пирожки, и не беспокойтесь, что не знает внук таблицу умножения. Даже на мехмате института, где я преподаю, задачи решает компьютер.

– Он и русский язык пропускает и пишет плохо.

– Говорит, надеюсь, хорошо?

– Как ручеек журчит, привирает только.

– Из него чиновник хороший получится. Однозначно. А носки ему обязательно свяжите и не забудьте о пирожках. Мы предложим всем бабушкам региона поступать так, как

вы, и это будет лучшей помощью школам.

Когда я вышла из кабинета министра, секретарша сказала:

– Бабуль, не рви связки, не струны. Видишь, где я работаю? А диплом с Блошиного рынка. Купит его и твой внук, если не будет дураком.

Успокоилась я. Носки связала, пироги пеку. Да и деньги на смерть собрала. Но погожу умирать, сначала диплом куплю внуку.

Берлин брала

На похоронах был. Галина Васильевна, моя учительница, померла. Прямо на улице. Не сработал клапан. Медицина, блин. Не смогли заменить вовремя. За своими машинами лучше следят.

Собрались проводить коллегу в последний путь старые учителя. Боже мой, недолго им осталось на этом свете: один на букву «Г» похож, другой – на «У». Третий напоминает «Х» – руки от столбняка ниже плеч не опускаются, четвертый – «Я» – живот как на последнем месяце беременности. Весь алфавит собрался.

Я любопытный с детства, за что не раз попадало. Подхожу к тому, кто в проекции вылитый «С». Согнулся, сморщился, словно на плечах мешок соли держит.

– Жалко, – говорю, – Галина Васильевна с первого класса мне двойки ставила.

– Поэтому ты и пришел. Других не видно.

– А вас что так скрутило?

– Подумай сам. Вон, Иван Иванович руки вверх поднял, как будто сдается. С первой пенсии так ходит. А Елена Львовна, математик, знаешь, почему в три погибели согнулась? Потеряла крупную ассигнацию и до сих пор ее ищет. Теперь делает салат из одуванчиков. Жалко Германа, бывшего физрука. Видишь, стоит в трико и черной шляпе у гро-

ба? У него не в порядке с головой, хотя и раньше умом не отличался. Питается только витаминами, считая пищу шлаком. Говорит, намного дешевле и полезней: туалетной бумаги не надо, и дефицита продуктов не будет.

– Герман хоть дышит? – изумился я.

– Конечно, он живой скелет.

– Но у некоторых приличный вид. Вон тот – с животом?

– У него водянка, плохо работает сердце.

– Звание у вас высокое, а живете у черты. Почему?

– Не так воспитывали вас, наверное. Жизнь скрутила всех, кроме Анастасии Степановны. Ей девяносто. Берлин брала.

Один я такой

Я могу стать великаном или сжаться до размеров ребенка. Кости выдвигаются как под гидравликой, смазка такая в хрящах есть. С детства ногами упирался в спинку кровати, а руками – в потолок.

До сих пор езжу на любом виде транспорта без билета, так уменьшаюсь. Отдыхаю в комнате матери и ребенка, если где транзитом.

Когда маленький, преимуществ больше. Заплакал – и рядом уже она, утешает, сажает на колени. Скажу вам: нет мягче кресла, и есть куда голову приложить.

Сколько раз обедал в соседнем детском саду. Повариха – в очках, половина ребят прогуливают. Однажды за одним столом с воспитателями ел. Каждая думала – из другой группы ребенок. Да, и по барабану им: не плачет и ладно. Всплакнула повариха: аппетит – то у меня: три добавки попросил. Неужели получилась каша? Даже сама попробовала.

Если бы не мои способности, не закончил бы я училище. Зарабатывал на энергосберегающих лампочках, выкручивая их в подъездах. А выходил из них ребенком, не вызывая подозрений у жильцов. Им же и продавал лампочки.

Осмотрел меня лор-врач на медкомиссии в военкомате. – Первый раз, – говорит, – вижу, чтобы все возбуждалось и увеличивалось в размерах. Даже уши. Интересно: улучша-

ется при этом слух? Скорее, да, так как, растягиваясь, становятся тоньше мембраны.

– Уши стали лопухами, это правда, а в пупке образовалась дыра – палец пролезет, – сказал хирург. – Если поползет, грязь в живот может попасть. Надо зашить пупок.

Перед венерологом я непроизвольно сжался, но, видимо, чересчур.

– Женщин в армию не берем, чего явилась, жениха и здесь найдешь? – поругал он. – Лучше вари щи.

От службы в армии меня освободили, поставив в графе о принадлежности к роду – баба.

Обо всех своих делах рассказывать не стану. Ухудшится мой образ. Вас интересует иное: да, с девушками мне везет. Под любую подстраиваюсь, хоть с телеграфный столб: гидравлика не подводит. Стараюсь никому не показывать белый билет, доказывай потом, что ты мужик. Пусть задирают от гордости носы: один я такой.

На пляже

– Такая жара была сто лет назад – дышать нечем, – сказала девушка, поправляя на голове полотенце.

Рядом сидевший с ней парень согласился:

– У меня яйца сварились.

– Что?

– Бабка сто штук положила на дорогу в сумку. Надо их съесть. Поможешь?

– Ты откуда такой взялся?

– Из Баклуш. У нас тоже – не в холодильнике. Солнце стоит – без шапки не выйдешь, а Нюрка, первородица, в парную залезла, молоко у нее и закипело. Младенец Вовка до пузырей обжег губы, сосавши ее.

– А как себя чувствовала первородица. Не жгло груди?

– Говорила, очень приятно, будто сжал кто. Да, и кипячее молоко Вовке полезней, запоносил он – все время на речку бегают пеленки полоскать.

– У нас от жары у многих сердце остановилось, – пожаловалась пожилая женщина. Я постоянно в речке сижу, всех раков пересчитала, а тонометр зашкаливает, и температура тела выше, чем у кошки.

– Баклуши поменьше вашего города, и колокольня пониже, но тоже много женщин умерло. Мужики больше в тени сидят, некоторые, напившись, там и спят, а жены в огородах

как куры копошатся. Только одна из трех ожила. Если бы не осталась в малиннике – муж ее не смог оттудова вытащить – не ожила бы. Ночью дождь пошел, и ее обмыло. Когда повернули на спину, вода хлынула из нутра. Как сказал наш ветеринар, помогло охлаждение внутренних органов.

Одному Кузьмичу нипочем – даже в раскаленной кабине трактора парится: так он стонет жару. К нему киношники с психологом приезжали. Не могли понять: организм такой или чудит. Один попробовал – до сих пор по Баклушам ходит с открытым ртом: надо было париться не дубовым веников, а, как Кузьмич, метелками ковыля.

Девушка посмотрела на парня с интересом:

– Сам, как я вижу, тоже легко переносишь жару. Ни одной капли пота.

– Я выжат, в кузнице работаю. Мочусь раз в сутки.

– Не может быть.

– Вот и врач так сказала, когда осматривала меня перед соревнованиями по поднятию тяжестей.

– Так ты спортсмен?

– Какой там спортсмен. Залез в экскаваторный ковш, а он и закрылся, как рот, зуб в зуб. А тут солнце палит. На вторые сутки не стал выдерживать, натужился и сам его распахнул. Увидел начальник, и вот – на соревнованиях оказался. Смешно: не смогли перекатить мельничные жернова через овраг.

– Снова в кузницу?

– Пока нет. Завтра соревнования с финнами: кто в сауне дольше просидит, – парень вздохнул. – В ковше под солнцем сидел, а в сауне никогда. На всякий случай веник из ковыля припас.

Перепись

– Мань, чо по улице все носятся как угорелые: не пожар?

– Хуже, Алевтина: переписывают скот. Фермер сказал, да же с кошек будут брать налог.

– Кошка не скот.

– Не знаю: с собак точно будут брать за то, что сторожат добро, мешая обязательному страхованию имущества. Твой Шарик хоть и глупой, но и меня не пускает во двор. Новую юбку порвал.

– Новую. На дырах звездочки вышила и говоришь, что это такой ситец. Шарик не любит звездочки. Помнишь, оторвал погоны у участкового, когда он спал в огороде?

– Но сзади у меня были две ромашки?

– Что, тебе собака будет считать лепестки? Хоть бы умела, когда ей. У меня и боров в хлеву – под сто килограмм, и козел есть.

– Боров у тебя смирный, все время спит. Надень на него какую одежду, мол, брат после свадьбы отдыхает. А козлу рога фуражкой прикрой да обмотай платком морду – будет вылитый сосед. Скажешь, что немой и зубы болят. А Шарика выпусти. Не дай Бог: у переписчиков звездочка на фуражке.

– Рискованно.

– А что делать? Налоги платить? Я корову связала и в постель положила. Говорю: сестра отходит, подхватила сибир-

скую язву. Сразу убежали на кухню, и то: городские они, козла точно от соседа не отличат. Могу на козла даже поспорить.

– За корову?

Встретились через час.

– Ну, как, Алевтина, объегорила?

– Кто не рискует, тот не пьет самогон. Пригласила переписчика отобедать. Хороший оказался. Первую бутылку первача опорожнил из горла. Вторую допивал с моим козлом. Убеждал его, что это лучшее средство от зубной боли. Не поверишь, и разговаривали между собой.

– Легче стало? – спросил переписчик. Я опешила, козел ответил ему:

– Да – а – а!

Спят они в обнимку, надо перенести козла в баню. Скажу, ушел.

– Можешь не врать. Никаких налогов не будет. Это фермер так пошутил. Перепись добровольная.

– Мы тоже с козлом пошутим. Капуста у фермера – не обхватишь.

– Ты точно. Даже груди свои не обхватишь.

– А зачем мне груди свои обхватывать. Чай, есть кому.

– Кому, подружка? В селе три мужика – вместе с твоим козлом.

Конкурс толстушек

В финал вышли три толстушки – Аня, Маня и Таня. Схожими были не только их имена, но и седалища – с мельничные жернова. Такое сравнение возникло у членов жюри при движении красавиц по подиуму. Иван Иванович вытер вспотевшую лысину:

– Коллеги, я думаю, надо отдать первенство доярке Мане. Смотрите, какие у нее груди? Симменталка позавидует.

– У симменталки, коллега, не груди, а вымя, и еще не известно, кто из них даст больше молока при лактации.

– Говорите понятней, Петр Петрович, здесь не студенты зоотехнического института, а члены комиссии. Надо сравнивать ее не с коровой, а с другими претендентками. У Ани груди не меньше, хотя плоские и не так выделяются.

– Это главный критерий наших оценок, – добавил Степан Степанович. – Когда все выделяется, приятно глазам, моргать не хочется. Почему Александра Александровна отвернулась? У нее вообще нет выпуклостей – отшлифованная доска.

– Кто бы ее шлифовал, – буркнул Иван Иванович. – Еще в члены комиссии попала.

– Попала. Таня ее племянница. Зад у нее, может быть, и приличный, а груди были как у тетки, пол-бочки силикона туда вкачала. Мне доктор говорил, когда делал подтяжки, –

объяснила Валентина Валентиновна.

– Что подтягивала, Валя? – поинтересовался Степан Степанович. – Без этого лопнуть можешь.

– Все бы тебе знать. Я же не замужня.

– С Таней все ясно, а как оценим двух остальных? – спросил Степан Степанович.

– Первое место надо отдать доярке, – повторился Иван Иванович, – настоящая мисс ферм. Надо учесть мизерные возможности претендентки. В ее деревне лечит людей гадалка, нет ни одной бани.

– Не согласна, – возразила Александра Александровна. – Таня больше раз присела и отжалась от пола.

– Груды у нее мячом отскакивали и задом пол задевала, мы все это видели. А Маня на себе показала умение пользоваться доильным аппаратом и без отдыха перетащила на километр двух мужиков. А какую закуску приготовила? Картошечку с селедкой и луком.

Когда зачитали решение, Маня на радостях нацедила членам жюри по стакану собственного молока.

У памятника Крылову

– Я шаржист-карикатурист, работаю на улице у памятника Крылову. От Пушкина прогнали. Три девицы. Иди, говорят, отсюда к деду, там пасется ехидный народ, а мы мастера по улыбкам.

Ехидный. Первым подошел угрюмый мужик – вылитый Гитлер – такие же усики, челка. Сделал я его похожим на Гитлера после Сталинградской битвы, как у Кукрыниксов.

Почему все безнаказанно могут бить карикатуристов. До сих пор под глазом фингал. Одна девушка предупредила: будет второй, если вместо дружеского шаржа выдам карикатуру.

Чертил фломастером дольше обычного, стараясь показать в рисунке главную черту ее характера.

– Я не боярыня Морозова, – бросилась на меня, дико вытаращив глаза.

Теперь поступаю проще. Спрашиваю, каким хочет видеть себя клиент. Посоветуешься, и все на мази.

Обратилась ко мне женщина средних лет. Бедняга собралась на своем лице худшие черты: глаз не видно, рот без губ, выдвинут совковой лопатой подбородок. И все это на тонкой сгибающейся, как шланг, шее.

– Надо добавить краски, и тогда сойдете за дочку Ба-

бы-Яги, – я нарисовал вполне приятную женщину, выглядывающую из избушки на курьих ножках.

Символика не помешала. И пусть желающие домысливают. Проще, конечно, подчеркивать у клиента его особенности: опущенное веко, лоб, напоминающий стиральную доску, или, как в моем случае: у человека не было ни волос на голове, ни ресниц, ни бровей. Я сделал его похожим на земной шар. Сколько у него было радости. Домыслил рисунок, наверное, и запел: «Я шар земной, я пуп земли», скорее всего, был поэтом.

Однажды, я не поверил своим глазам, передо мной предстали мастера по улыбкам от Пушкина.

– Привет, коллега! Видим, с Крыловым на дружеской ноге. Можешь изобразить нас на его фоне?

Я нарисовал их в образе трех сестриц из пушкинской сказки о царе Салтане. А подслушивал их сам дедушка Крылов.

Скривились девы и охотно бы сбросили меня в море, но рисунок взяли. Испугались: напишет еще дед про них басню. Разве узнаешь, что у него в бронзовой голове? Некоторые смельчаки уже связывались по Интернету с миром усопших.

Хозяиственный

Опять тут встали, будут час разговаривать, несмотря на тяжелые сумки. Вон, из одной голова толстолобика торчит. Надо его стащить. Не для себя, для кошек. Закормили меня в ресторане, и теперь, чтобы поднять аппетит, лакаю у стойки водку. Потом не слезаю с рук барышень, которые позволяют мне многое. Особенно три из них, с внешностью бритых кошек. Такое уж у меня сравнение. К их столу не подходил никто, кроме хромого официанта. Почему, спросите, хромого? Так называется ресторан. Одна из дев любит иглотерапию, благо когти мои не затупились. Вторая прижимает меня к груди, как ребенка, своего у нее нет, откуда?! Третья хихикает, поощряя мои котячьи вольности. А если перебирают, я ретируюсь: что делать с троими-то. Словом, живу, как у Христа за пазухой, своих кошек кормлю. Приношу им со столов остатки пищи. Сырую рыбу вытаскиваю из сумок.

Какой жирный толстолобик. Еле вытянул. А эта россомаха даже не заметила. Поэтому и мужа увела у нее соседка. Обойдется без рыбы, сплетнями наестся.

Кошки уже сели в кружок, ждут. Нет бы, помогли. Облепились. Нашли снабженца?! Другие коты с ними не церемонились. Не у всех еще загривки зажили. Как у голубоглазой красавицы. Не успевала котиться. Словом, все хороши, а рыбу я им добываю. Надо их хоть раз проучить. Эй, вы, мяу, —

кричу им, – быстро ко мне, хозяин я или добытчик?

Первой прибежала новенькая неизбалованная. Живет со старухой на воде и хлебе.

– Гламурр, гламурр, – лишь подняла голову голубоглазая.

А эти две на улице еще обмывали знакомых и незнакомых. Смотрю, возле их сумок крутится другой кот. Ресторан и территория вокруг – моя сфера влияния. Надо с ним разобраться. Боюсь, побьет – тощий очень.

Дела, ставшие легендой

– Знаете ли вы, что Саратовский канал течет по косогору снизу вверх. Да, да, вопреки всем законам природы. Не улыбайся, молодой человек: не поехала у меня крыша. На сто метров поднимается вода. Взбирается на водораздел – и к нам в Ершов. Кто крикнул: там каскад насосных станций? Вы, дедушка. Сами строили канал? Все верно, но вода-то течет вверх. В этом его уникальность. Я недавно побывал на трассе. Каждый пикет навевал воспоминания.

Я вас узнал, дедушка. Вы машинист экскаватора. Герой Социалистического Труда? А почему без звездочки? Стесняетесь? Кого? Все, кто здесь сидит, пьют воду, которую вы привели в Заволжье. В засуху без нее трескались и земля и губы. Носите звезду. Видите, у молодого человека сквозь очки пробилось искреннее уважение к вам.

Немало удивительного происходило на трассе. Рыли котлован насосной станции. За хорошую работу управляющий трестом подарил водителю самосвала Попову золотые часы. Но выпали они из кармана, и не нашел он их? Рядом с котлованом русло отсыпалось, и туда перемещали грунт.

Словно за руку вели строители волжскую воду в степь. Вернула она водителю часы, смыв их с откоса. Скажете, мистика, но я шел рядом и все видел.

Попов обтер часы, завел их.

– Тикают, – закричал он и заплясал, как на свадьбе, с вывертами и прихлопами.

Может быть, с этого времени и началось обновление края.

Стояла ночь. И вдруг словно опрокинулся ковш Большой Медведицы, на нас хлынула вода. Откуда? На небе – ни тучки. Оказалось, окатила нас поливочная машина. Чтобы довести насыпь до естественной плотности ее смачивали водой.

Добавляла прикола фамилия водителя машины – Суховай. Поиздевались тогда над нами местные остряки.

Последние километры русла прокладывал шагающий экскаватор с похожим на кузов самосвала ковшом. Чтобы попасть на другую сторону русла, нужно было объехать восемь километров. У нас – «Запорожец», у начальника мехколонны – «Волга». Пospорили, кто быстрее. Проигравший пойдет обратно пешком. Рванулась «Волга» вдоль русла. Мы – к экскаваторщику: перекинь машину через русло, она же игрушечная. Летал ли еще один «Запорожец» над степью, как птица, не знаю, но наш наверняка улучшил свою родословную.

И вот мы на другом берегу поджидаем начальника у полевого вагончика. Расставили шахматы, сделали быстро по двадцать ходов.

Лицо его побелело, губы дрогнули. Не сказав ни слова, он спустился по откосу на дно канала и пошел на соседний участок.

Сидел с удочкой на пруду рыбак и дремал, стареньким он

был. Очнулся – вокруг вода: «Неужели потоп? Чай, будет через сорок лет». Тут еще фермер Боря на моторке орет:

– Эх, вниз по матушке по Волге...

«Значит точно потоп: где Волга и где степь?» – решил дед.

– Возьми в лодку, галифе промокли, – взмолился он. Крутанул Боря руль, и перевернулась лодка. С трудом зацепились за нее и пригребли к берегу.

В пруд воду из канала подали через сифон. У деда, как у младенца, торчали во рту два зуба, когда он рассказывал об этом:

– Доживу до ста-то. Чай, сорок лет до потопа.

Смотрю, вы заслушались. Недавние дела, а легендой стали.

Тартюф

– Добрый день, Иван Иванович! Как сынок? Покоряет науки? Голова, весь в папку. А женушка, Вера Гавриловна, как? Все в заботах о любимом супруге. Еще бы такого не любить: один на тысячу. Чего на тысячу, на миллион. Хоть сети ставь, не поймаешь. Я нисколько не преувеличиваю. У кого в городе выше кресло, и кто столько времени в нем сидит? Да, никто. И правильно, что другим не даете. Еще закружится голова и... Привычка нужна в кресле сидеть. А говорить необязательно. Вы одним взглядом исхлещите.

И мне всех благ? Спасибочко, Иван Иванович. Услышать от вас доброе слово уже счастье.

Ушел. Скатертью дорога. Скоро полетит со своего кресла. Открутил я гайку – написал в газету донос. Под псевдонимом «Тартюф». И другие вполне могут притворяться и лицемерить под маской святости. Пусть больше следит за своей Верой Гавриловной, которая во все времена года под южным солнцем. Говорит, прогревает зад, а почему распухают губы. Сыночек Вася третий год на первом курсе, хоть и на платной основе. Не понятно, в кого он такой говорун: папа почти глухонемой. Молчит, когда уборщица, протирая полы, двигает кресло от стола к двери вместе с ним, как бы указывая на его место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.